

Опубликовано в кн.: Riha O., Fischer M. (eds.) *Naturwissenschaft als Kommunikationsraum zwischen Deutschland und Russland*. Aachen: Shaker, 2011. С. 153—168

Марина Ю. Сорокина

Пересечение судеб:

Германия и немецкие ученые в жизни и научном творчестве
академика Владимира Вернадского (1863—1945)

Историческая рубежность эпох часто осознается современниками ретроспективно. Однако переход от XIX к XX-у веку почти сразу был воспринят современниками как судьбоносный для Европы, России и Германии, в частности. Этому способствовали не только апокалиптические настроения общества и правящих элит, всегда связанные с концом века, но и реальные изменения социально-политической карты Европы, главным из которых стало резкое расширение коммуникативного пространства континента за счет разрушения империй и появления новых национальных государств. Одновременное изменение технологической составляющей этого процесса — техническая революция в средствах коммуникации (появление новых средств связи и передвижения — самолет, телефон и др.) — делало это расширяющееся пространство более компактным, взаимозависимым и мобильным.

Этот общий процесс не мог не затронуть и научное сообщество. Коммуникативная среда европейской науки также претерпела существенную трансформацию: активно заявило о себе российское национальное научное сообщество, впервые осознавшее себя в этом качестве как раз на рубеже XIX—XX вв., появился масштабный «славянский научный мир», в научное

сообщество стали вливаться специалисты азиатских стран (Япония, Китай и др.), а кроме того, важнейшим фактором развития научного знания и новых научных программ стало активное взаимодействие и взаимовлияние американского и европейского научных сообществ.

В свою очередь значительно изменился характер и роль международных научных отношений. Несмотря на сохранение традиционных инструментов общения (стажировки, конференции, публикации, личные связи, совместные проекты), понимание необходимости их полномасштабных преобразований вывело на первое место коммуникационные стратегии как практическую проблему мирового научного сообщества.

На национальном и персональном уровне это означало появление категорий «выбора» и «перспективы» при необходимости постоянных усилий на поддержание конкретного выбора и определенной перспективы. Остаться ли в рамках «старой» традиции или следовать в русле «новой» и какие инструменты выбрать для поддержания выбора — эти вполне конкретные вопросы, решение которых нередко определяло научную карьеру ученого и судьбу его научных идей и наследия, приходилось решать едва ли не каждому российскому научному специалисту на рубеже XIX—XX веков. Как персональная коммуникативная стратегия отдельного исследователя сочеталась и сочетается со стратегией научных дисциплин, научного сообщества в целом и национального научного сообщества в частности — вопрос целой исследовательской программы. В данной статье на материале жизни и научной деятельности известного российского ученого, академика Владимира Ивановича Вернадского (1863—1945) мы только намечаем некоторые подходы к его решению.

Естествоиспытатель, философ, организатор и историк науки, политический и общественный деятель, один из основателей и многолетний член ЦК конституционно-демократической партии, действительный член Императорской, а затем Российской, Академии наук Владимир Вернадский

— одна из центральных фигур в истории российской науки и общественной мысли XIX—XX веков¹.

Научные специальности академика В.И.Вернадского — минералогия и кристаллография, однако сегодня значение его личности и деятельности рассматривается в значительно более широком контексте социальной истории, философии науки и цивилизационного процесса прежде всего как одного из основоположников учения о биосфере и концепции ноосферы, с одной стороны, и активного участника общественно-политической жизни российского общества второй половины XIX — первой половины XX века, с другой. Он один из немногих русских ученых, влияние идей и самой личности которого вышло далеко за рамки научного сообщества и, несмотря на политические и социально-экономические изменения, остается неизменно ощутимым на протяжении всей истории СССР / России XIX—XX вв.

Особенно весомым влияние научных идей В.И.Вернадского стало после изменения общественно-политической климата, а затем и распада, СССР (1991). В условиях смены социальной и идеологической парадигмы в СССР идейное наследие ученого предлагало научную, социально ориентированную методологическую основу для построения нового демократического общества, а его учение о биосфере многими соотечественниками стало восприниматься как своего рода российский инвариант поддержанной западными интеллектуалами идеологии «зеленых». Тем самым учение В.И.Вернадского о биосфере приобрело актуальное социальное звучание, в очередной раз подтвердив справедливость провидческих идей ученого о роли научного знания как важнейшего регулятора глобальных биосферных процессов на всех уровнях — от геохимического до социального.

¹ Самую полную библиографию трудов В.И.Вернадского и о нем см.: Бебих и др. 1992, а также неполный перечень документальных публикаций из архива В.И.Вернадского за последние годы можно найти в: Кондакова 1997.

Несмотря на кажущееся обилие научной и научно-популярной литературы о Вернадском и своего рода канонизацию его фигуры в российской историографии и общественном мнении², многие стороны жизни и деятельности ученого остаются мифологизированными, малоизвестными и / или вовсе недокументированными, в том числе и вопрос о характере и динамике взаимоотношений исследователя с зарубежными коллегами в разные периоды его жизни.

В личной, научной и общественной, судьбе Владимира Вернадского Германия и немецкие ученые играли важную роль. Он впервые побывал здесь летом 1873 г. в возрасте 10 лет во время первого путешествия с родителями по Европе, когда они приехали в Дрезден, чтобы посетить знаменитую картинную галерею. Последней заграничной поездкой академика стал также визит в Германию осенью 1936 г.³

Именно в Германию молодой Вернадский приехал на свою первую научную стажировку в 1888 г., через три года после окончания физико-математического факультета Петербургского университета. Здесь он обрел старшего коллегу — профессора минералогии *Пауля Грота* (Paul Heinrich von Groth; 1843—1927), который видел в молодом русском своего ученика, и друга — будущего основоположника неовитализма в биологии, а тогда студента, *Ханса Дриша* (Hans Adolf Eduard Driesch; 1867—1941), с которым сохранял теплые отношения на протяжении всей жизни.

В течении четверти века, с 1888 по 1913 гг., Вернадский практически ежегодно проводил в немецких библиотеках и музеях не менее одного—двух летних месяцев, работая с коллекциями и новой научной литературой. Однако после событий Первой мировой войны, революций и гражданской войны в России (1917—1921 гг.) он впервые приехал в Германию только через четырнадцать лет — летом 1927 г. в составе делегации на Неделю

² См.: Сорокина 1997. Более взвешенный подход см.: Bailes 1990.

³ О путешествиях Вернадского в общем контексте изменения европейского пространства в начале XX века см.: Штэдтке 2010.

советской науки. Несмотря на то, что вплоть до 1936 г. Вернадский по многу месяцев проводил за границей, в Германию он заезжал нечасто — кратковременно и не специально, в основном в связи с участием в научных съездах или конференциях.

Первая научная публикация В.И. Вернадского за границей появилась также в Германии и на немецком языке. В 1889 г. международный кристаллографический журнал, *Zeitschrift für Krystallographie (und Mineralogie)*, который издавался в Лейпциге под руководством профессора Пауля Грота, поместил небольшой реферативный обзор новейших исследований русских кристаллографов, подготовленный Вернадским во время стажировки в Мюнхене и с этого момента стал помещать его аналогичные материалы и в дальнейшем⁴. Казалось бы, трибуна известного и очень уважаемого в европейской научной среде журнала открывала большие возможности для молодого русского минералога, однако следующая публикация Вернадского по-немецки появится только в 1901 г., через двенадцать лет после первой (!) и только после личной встречи с профессором Гротом на очередном международном Геологическом конгрессе. В целом обширная библиография научных трудов В.И. Вернадского насчитывает всего пятнадцать, небольших по размерам, публикаций на немецком языке, подавляющее большинство которых появились до Первой мировой войны

Переписка с немецкими коллегами занимает значительное место и в личном фонде В.И. Вернадского в Архиве Российской академии наук⁵. Между тем, если, например, с коллегами из Чехословакии, славившейся своей естественнонаучной и геолого-минералогической научными школами, он сотрудничал постоянно и нередко на основе теплых личных отношений⁶,

⁴ Бебих и др. 1992, 33.

⁵ Архив Российской академии наук (Москва). Фонд № 518 (о нем см.: Сорокина 2009). В значительной степени доступен on-line: <http://www.ras.ru/VArchive/>.

⁶ См.: Горяинов, 1997; Сорокина, 2001.

то сохранившаяся переписка Вернадского с германскими коллегами — исключительно деловая и затрагивает в основном вопросы приобретения минералов, приборов, обмена научной литературой⁷.

Наконец, отметим еще один любопытный факт. На всем протяжении своей долгой профессиональной карьеры В.И. Вернадский лишь однажды участвовал в выдвижении немецкого ученого для избрания в российские научные общества и Академию наук. В 1907 г. он совместно с *Александром Петровичем Карпинским* (1846/47—1936), *Федором Богдановичем Шмидтом* (1832—1908), *Феодосием Николаевичем Чернышевым* (1856—1914) предложил избрать иностранным членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Петербурге палеонтолога, профессора Геттингенского университета *Адольфа фон Кёнена* (Adolf von Könen; 1837—1915).

Этот краткий историко-биографический контекст показывает, что международная ориентация научных связей и контактов В.И. Вернадского, несмотря на изначальные исключительно благоприятные предпосылки и условия развития масштабного сотрудничества с немецкими специалистами, носила явно негерманский характер. В этом смысле она повторяла тот тренд приоритетов «внешней политики» Петербургской / Российской академии наук, с начала XX века стремившейся переориентировать свои традиционные германоцентричные международные связи в сторону англо-романо-американского мира.

В то же время ненасыщенность этого актуального плана научной деятельности Вернадского резко контрастирует с его постоянным многолетним диалогом с корифеями немецкого естествознания и философии — *Иммануилом Кантом* (Immanuel Kant; 1724—1804), *Иоганном-Вольфгангом Гёте* (Johann Wolfgang von Goethe; 1749—1832), *Александром Гумбольдтом* (Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander Freiherr von Humboldt,

⁷ Переписка В.И. Вернадского с немецкими учеными никогда не публиковалась.

1769—1859) и *Карлом Бэр* (Karl Ernst von Baer; 1792—1876) — на страницах его научных трудов. Именно они формировали научное мировоззрение молодого ученого, а затем стали его главными интеллектуальными собеседниками. На протяжении всей жизни более всего Вернадский опирался и полемизировал с ними, его лучшие историко-научные работы посвящены специально немецким мыслителям и естествоиспытателям⁸.

На наш взгляд, некоторые причины такого расхождения исторического и актуального планов взаимодействия В.И. Вернадского с немецкими учеными можно искать в той внутринаучной и общественной атмосфере, которая сложилась в России и Европе в годы первой научной стажировки В.И. Вернадского за границей.

В 1888 г. хранитель Минералогического кабинета Петербургского университета Владимир Вернадский получил двухгодичную заграничную научную командировку от Министерства народного просвещения для совершенствования в области кристаллографии и минералогии и подготовки магистерской диссертации. 2 мая он приехал в Мюнхен, где впервые встретился с профессором Паулем Гротом, профессором минералогии Мюнхенского университета и директором Баварской государственной минералогической коллекции.

Выбор зарубежного научного патрона был весьма важен для начинающего ученого, т. к. в это время кафедры минералогии и кристаллографии в большинстве вузов России замещались не специалистами-минералогами, а профессорами, чей основной интерес был в других областях, например, почвоведом *Василием Васильевичем Докучаевым* (1846—1903) в Петербургском университете или геологом *Алексеем Петровичем Павловым* (1854—1929) в Московском университете. Таким образом первая зарубежная научная поездка и общение с зарубежными коллегами в значительной

⁸ См.: Бебих и др. 1992; Вернадский 1988 (1).

степени означали для Вернадского и потенциальный выбор ориентации на ту или иную научную европейскую школу и традицию, и одновременно вхождение в ту научную среду, которая могла бы сопровождать его научную карьеру все последующие годы.

Первоначально Вернадский направился для стажировки в университет Неаполя (Италия). Южный природный ландшафт с юности привлекал его и Вернадский даже мечтал о полном переезде в теплые края. К тому же в Неаполе преподавал и работал известный минералог, профессор *Аркангелло Скакки* (Arcangelo Scacchi, 1810—1893), труды которого Вернадский хорошо знал и высоко ценил. Однако, пробыв всего месяц в городе, русский естествоиспытатель понял бесперспективность для себя научной работы в Италии, т. к. профессор Скакки в силу возраста уже минимально работал в лаборатории.

Следующим пунктом стажировки Вернадского стал Мюнхен, где работал профессор Пауль Грот. Помимо уже указанных академических позиций, он был редактором журнала *Zeitschrift für Krystallographie (und Mineralogie)*, который он же и основал в 1877 г., и автором основной монографии по кристаллографии на немецком языке. Как и молодой Вернадский, Грот был особенно заинтересован в проблеме парагенезиса минералов и, по-видимому, общность научной проблематики стала важной мотивацией Вернадского для поездки в Мюнхен. Кроме того, профессор Грот был известен большой изобретательностью в разработке научной аппаратуры для исследования кристаллов, что также, несомненно, привлекало к нему Вернадского, стремившегося к непосредственной эмпирической проверке достоверности результатов в кристаллографии.

Вернадский приехал к П. Гроту без темы диссертации, но уже после двух или трех недель Грот дал молодому русскому исследователю небольшой независимый проект по определению оптических аномалий сложного органического вещества — эфира тримединовой кислоты. Летом 1888 г. Вернадский писал своему российскому профессору, В.В. Докучаеву,

что очень доволен работой в Мюнхене, так как удалось детально ознакомиться с применяемыми у Грота оптическими и кристаллографическими методами исследования⁹.

Как истинный профессор, Грот стремился выступить патроном молодого русского и устроить его научную карьеру на Западе. В первую очередь он предоставил ему потенциально очень перспективную возможность печататься на страницах европейского журнала. 11 июня 1888 г. Вернадский сообщал жене из Мюнхена: «Вчера Грот говорил, что хочет пойти на следующей неделе со мной в библиотеку, чтобы узнать ‘какие там есть русские журналы, чтобы я составлял рефераты для *Zeitschrift*. Я очень поблагодарил его, но говорил, что я плохо пишу по-немецки и не лучше ли мне вместе с Юргенсоном¹⁰ <делать это>, но Грот не согласился и сказал, что поправлять мы будем вдвоем с ним. <...> Он говорил с Зонке¹¹, тот оставил мне место»¹². Во-вторых, Грот дал Вернадскому много рекомендаций по Европе и даже предложил совместную работу¹³, что, безусловно, открывало самые смелые перспективы для молодого российского исследователя.

Еще одно мюнхенское знакомство прошло через всю жизнь В.И. Вернадского. Здесь он познакомился со студентом, эмбриологом-экспериментатором Хансом Дришем, в недалеком будущем выдающимся биологом и философом-неовиталистом.

Дриш был всего на четыре года моложе Вернадского, однако в образовательном пространстве это составляло почти целый университетский цикл, что совершенно не помешало их сближению. «Здесь встретился с группой молодых немецких биологов, ярко и резко проводивших

⁹ Цит. по: Мочалов 1982, 84—86.

¹⁰ Юргенсон Александр (1861—1928), российский минералог.

¹¹ Профессор Леонгард Зонке (Sohncke) (1842—1897) возглавлял физический кабинет Политехникума в Мюнхене.

¹² Письма 1988, 115.

¹³ Письма 1988, 118—119

виталистические представления, — вспоминал позднее Вернадский. — К ним я относился осторожно, но с большим интересом»¹⁴. Уже скоро они вместе обедали и путешествовал по Германии (лето 1888 г.). «Мне нравится его стремление к науке, — писал Вернадский о Дрише жене, — и то, что он стремится к обобщениям и к вопросам общеинтересным»¹⁵.

Этими «общеинтересными» вопросами были споры о том, на каком языке должна говорить наука, — «можно ли или не надо иметь на родных языках научные вещи». Вернадский и Дриш полагали, что общим языком науки должен быть какой-то один язык, причем уже тогда они оба предлагали на это место английский язык. Дриш даже не возражал против французского и Вернадский отметил: «Это в немце очень интересно»¹⁶.

Широта в понимании философских, естественнонаучных и общественных проблем мироздания также очень привлекала Вернадского в немецком приятеле: «Говорили мы сперва о психологии и самых выпретенных вопросах философии, а затем разговор сошел на более простую почву — мы говорили о братстве¹⁷, я ему много рассказывал о том, что мы устроили и переживали в СПб. Это человек замечательно близкий по воззрениям к нам; он говорит, что от социализма в том виде, в каком он есть в Германии, его отвлекает только то, что он стеснит личную свободу, которую он высоко ставит, и может привести к падению науки»¹⁸.

В этот первый мюнхенский период Вернадский писал жене о Дрише постоянно, едва ли не в каждом письме. В последующие годы у него постепенно стал накапливаться скепсис в отношении отдельных взглядов

¹⁴ Архив Российской академии наук (Москва). Ф. 518. Оп. 2. Д. 31. Л. 111.

¹⁵ Письма 1988, 125, 129, 136.

¹⁶ Письма 1988, 125.

¹⁷ Братство — неформальный союз студентов Петербургского университета, из которого в дальнейшем вышло немало известных ученых и политиков (С.Ф. Ольденбург, Д.И. Шаховский и др.).

¹⁸ Письма 1988, 136.

Дриша. 26 сентября 1890 г. Вернадский отметил в дневнике: «Понемногу читаю Дриша: ‘Психофизиологические типы’ (М., 1890) — поражает смешение факта с объяснением, незаметное автору и иногда незаметное читателю вследствие интереса фактов»¹⁹. В середине 1890-х в письмах к жене уточняет: «Впечатление хорошее, хотя во многом он <Дриш> увлекается, думаю, неверно»²⁰; «У него много критики к сторонним мнениям — весьма сильной и изящной — и совсем мало к своим положительным воззрениям»²¹. Тем не менее при подготовке новой поездки в Германию Вернадский повторяет: «Очень хочу видеться с Дришем» и едет для этого специально в Мюнхен²². Однако последнее письмо Дриша Вернадскому этого периода датировано 1894 годом и в дальнейшем они общались преимущественно заочно — читая научные работы друг друга.

В немецкой научной традиции в целом Вернадский отмечал немало позитивных черт и первой среди них — прекрасную организацию научно-исследовательской работы. В 1888 г. он писал из Мюнхена жене: «Чувствую, что все более и более научаюсь методам, т. е. у меня появляются руки, а вместе с тем как-то усиленнее и сильнее работает мысль»²³. Работая в декабре 1889 г. в Берлине в Музее естественной истории (Museum für Naturgeschichte), он отмечает: «Опять проявление замечательного умения организации научных средств, которое поразило меня и в Мюнхене»²⁴. И даже признаваясь, что Берлин не любит, мирится с ним, так как «библиотека чрезвычайно богата, достаю совсем редкие вещи»²⁵.

¹⁹ Вернадский 1988 (2), 208.

²⁰ Письма 1994, 135—136.

²¹ Письма 1994, 139.

²² Письма 1994, 131, 135—136, 139.

²³ Письма 1988, 116.

²⁴ Письма 1991, 35—49.

²⁵ Письма 2003, 101.

В то же время Вернадский, либерал по общественно-политическим взглядам, всегда подмечал взаимосвязь политического устройства страны, уровня развития демократии и свободы научного творчества. Для его понимания роли немецких университетов в европейском пространстве было очень важно, что «в былое время существование немецких университетов во многих государствах являлось одним из важных условий поддержания духа свободы и искания лучшего в европейском обществе»²⁶. Путешествуя по Германии в 1902 г., Вернадский посетил Нюрнберг, который произвел на него сильное впечатление «энергической сознательной жизнью демократии — совокупным усилием поколений и отдельных личностей город принял тот своеобразный, полный красоты вид, который резко отличает его от остальных современных городов. Он чем-то — совсем в другом роде — напоминает мне Флоренцию. Для меня все это было довольно неожиданно: так особенно ясно понимаешь, что именно в такой среде могли развиваться и из нее выходить те ‘мастера’, которые явились в конце концов новаторами и в науке, и в искусстве. Чрезвычайно интересен Германский музей: в нем чрезвычайно много любопытнейшего материала по истории науки, в первый раз я видел в большом количестве собранными приборы алхимиков и т. д.»²⁷.

Параллельно в письмах Вернадского из Германии на протяжении 1888—1900-х годов рефреном звучит и иная тема — мертвенности, сухости, затхлости в «понимание задач минералогии и кристаллографии, которое здесь царят»²⁸. Он рассматривал свое пребывание в Европе и в Германии, в частности, как возможность встретиться выдающимися учеными, но прежде всего окунуться в **новые** научные проблемы, узнать **новые** методы исследования. Вернадский был впечатлен прогрессом теоретических и экспериментальных наук в Европе и понял необходимость максимально тесных контактов между российской и западной наукой и культурной

²⁶ Письма 1988, 146.

²⁷ Письма 2003, 110.

²⁸ Письма 1994, 282.

жизнью в целом. Однако, несмотря на то, что активная работа с П. Гротом в Мюнхене успешно продолжалась, Вернадский признавался жене в октябре 1888 г., что ему «хочется вырваться» в Париж, где он также успел побывать летом того же года²⁹. «В Германии я чувствовал, — писал он, — что мы несколько не ниже, а здесь ты понимаешь, какая сила в традиционной работе поколений — как в Англии»³⁰. В другом письме Вернадский писал еще откровеннее: «Франция и французы мне очень нравятся; после Германии они производят на меня впечатление чего-то очень культурного; в Германии, в обществе, очень многое меня шокировало и казалось грубым, варварским»³¹.

Во Франции наибольший интерес Вернадского вызвал Коллеж де Франс, где профессора, не связанные планами и программами, были свободны в выборе предметов своих курсов, которые, в свою очередь, могли посещаться всеми желающими, без различия пола, возраста и национальности. Он специально отмечал, что профессора читали курсы по самым последним и спорным данным. «Таких лекций в Германии ... почти нет», в России — тем более. Но самое главное, резюмировал Вернадский, «в отличие от того, что было в Мюнхене, у меня во Франции завязались более прочные связи, оставшиеся на всю жизнь»³².

Пребывание в Европе вызвало у Вернадского глубокие размышления о месте российской науки на карте мировой науки, ее потенциале и перспективах. Проблема соотношения и сочетания национального и интернационального всю жизнь сопровождала ученого, став одной из его самых значительных историко-научных рефлексий. В трудах по истории науки он всегда давал указание на национальность ученого, его национальную учебную или научную школу.

²⁹ Письма 1988, 199.

³⁰ Письма 1988, 15.

³¹ Письма 1988, 164.

³² Письма 1988, 20; Письма 1991, 72.

Еще в споре 1888 г. о «языке науки» Вернадский говорил о том, что одним из необходимых для всех ученых языков может стать и один славянский, а именно — русский³³. В дальнейшем мысль о служении российской науке как неотъемлемой части мирового научного познания только укреплялась в сознании ученого. В кризисном для Московского университета 1911 году он восклицал: «Если бы нам недолго спокойствие в общественной политической жизни! Как сильно могла бы забиться русская мысль и русская жизнь! Здесь <на Западе> ворчат повсюду на рост русской научной литературы, выражают неудовольствие, но ясно чувствуется, что они будут считаться с фактом»³⁴. В то же время его патриотический настрой никогда не перерастал в шовинистический, тем более в историко-научной сфере. Вернадский абсолютно четко разводил понятия «этничность» и «гражданство», «культура» и «государственность». В 1928 г. ученый так в афористичной форме описывал сложный и амбивалентный процесс национальной идентификации Петербургской академии наук: «Русское общество ... не знало и не знает историю своего научного творчества, как не знало и своего художественного творчества; добрая часть истории России — да и всякой страны (стоит вспомнить Наполеона во Франции) творилась ‘иностранцами по происхождению’. Есть замечательная по глубине мысли речь ак<адемика> Миддендорфа³⁵ (вполне русского несмотря на нерусскую фамилию) в 1850-х годах, где дано глубокое обоснование той структуры Академии наук, какую имела Россия в XIX ст<олетии> и которая, вероятно, разовьется в Европе — и в мире — когда падут рамки национальной грезни. Связь ‘немцев’³⁶ (б<ольшей> ч<астью> русских по государству), о истории

³³ Письма 1988, 125.

³⁴ Письма 1988, 51.

³⁵ Миддендорф Александр Федорович (Alexander Theodor von Middendorff; 1815—1894), путешественник, географ, ботаник; действительный член, непреходящий секретарь Петербургской академии наук.

³⁶ То есть принадлежавших к партии академиков иностранного происхождения.

которых я пишу — Ленца, Фусса, Гесса³⁷ и др. с русской культурой огромна. Ну, напр<имер>, русский химич<еский> язык создан Гессом (одним из великих химиков — калибра Бертелло³⁸). <...> Во главе ‘немецкой’ партии Ак<адемии> наук стоял К. Веселовский³⁹, а главой ‘русской’ был бар<он> Розен^{40,41}.

Убежденность В.И. Вернадского во вненациональной природе научного познания при сохранении национальных организационных форм научной деятельности была главным алгоритмом и его отношений с немецкими коллегами, и историко-научных штудий, не зависимым от изменений от общественно-политического климата в России и Германии. Именно Вернадский стал в 1926 г. инициатором создания и научным руководителем подкомиссии по изучению научного наследия академика К.М. Бэра в рамках созданной ранее Комиссии по истории знаний АН СССР. В 1927 г. под редакцией В.И. Вернадского вышел первый сборник памяти Бэра, который открывался его статьей о личности ученого и его значении для российской и мировой науки⁴². Создатель духовного уклада нашей Академии — так коротко и всеобъемлюще определил Вернадский значение Бэра для российской науки.

³⁷ Ленц Эмилий Христианович (Heinrich Friedrich Emil Lenz, 1804—1865), физик и электротехник; Фусс Николай Иванович (Fuss, 1755—1826), математик; Гесс Герман Иванович (Germain Henri Hess, 1802—1850), химик. Все — академики Петербургской академии наук.

³⁸ Бертелло (Berthelot, Pierre-Eugène-Marcelin; 1827—1907), французский химик и государственный деятель.

³⁹ Веселовский Константин Степанович (1819—1901), экономист и статистик, академик, непреходящий секретарь Петербургской академии наук (1857—1890).

⁴⁰ Розен Виктор Романович, барон (1849—1908), востоковед, академик, вице-президент Петербургской академии наук.

⁴¹ Вернадский 2002.

⁴² Вернадский 1927.

Связи с П. Гротом и Х. Дришем Вернадский сохранял всю жизнь, хотя их интенсивность, конечно, менялась со временем. Так, личные встречи с Гротом фактически прервались в 1913 г., но в целом Вернадский переписывался с ним по-немецки более тридцати лет — с 1888 по 1926 г., вплоть до кончины мюнхенского профессора. Их корреспонденция, сохранившаяся в Архиве РАН, насчитывает 40 листов.

К трудам и идеям Ханса Дриша, в том числе об энтелехии, Вернадский постоянно возвращался во время работы над проблемой «живого вещества», занимавшей его во второй половине жизни. Даже в разгар гражданской войны, в январе 1920 г. эвакуируясь на пароходе «Ксения» в Крым, он читал «Витализм» Дриша. Академик не разделял концептуальные построения немецкого коллеги и считал энтелехию неудачной формой логического выражения реально существующей особенности⁴³, но всегда подчеркивал исключительный научный и философский уровень исканий Дриша. Последний раз они общались 20 октября 1936 г., когда по дороге из Парижа в Прагу Вернадский — едва ли не единственный из «старых», еще с дореволюционным стажем академиков, кто после прихода нацистов к власти в Германии, бывал в этой стране, — остановился в Лейпциге у своего старинного друга профессора Федора Брауна⁴⁴ и «по телефону говорил с Дришем — неудачно, кажется, и к вечеру уехал в Прагу»⁴⁵.

Мы не знаем, о чем был этот последний разговор и почему он не удался. Но эта личная невстреча двух старых хороших знакомых символически закрывала целую главу в российско-немецких научных связях в целом. Больше академик Вернадский в Германию не приезжал и писем от Ханса Дриша не получал, но продолжал очень внимательно следить за советским и немецким атомными проектами.

⁴³ Вернадский 1997 (запись от 4/17 мая 1920 г.).

⁴⁴ Браун Федор Александрович (1862—1942), филолог, член-корреспондент Петербургской академии наук.

⁴⁵ Вернадский 2006, 102.

Уже после начала Второй мировой войны, 19 ноября 1939 г., 76-летний Владимир Вернадский записал в дневнике: «Удивительно, как глубоко проникала в нас немецкая культура. Мне казалось, что меня более затронула англосаксонская и я весь проникнут славянством. <...> Хотя отец много мне дал — западноевропейского (Италия, Англия и Шотландия) — больше Германия и Франция. Польша и Украина. Здесь Гегель, Риттер, Бах, Лист»⁴⁶. Так, подводя жизненные итоги, ученый воздал должное духу немецкой культуры, который сопровождал всю его судьбу.

Литература и источники:

Бибих и др. 1992 — Владимир Иванович Вернадский / Сост. И.Г. Бибих, С.Н. Жидовинов, Г.И. Матьева, Ф.Т. Яншина. Москва 1992;

Вернадский 1927 — Владимир Вернадский: Памяти академика К.М. фон Бэра // Труды Комиссии по истории знаний. Ленинград 1927. С. 1—9;

Вернадский 1988 (1) — Владимир Вернадский: Записи 1890—1894 годов / Публ. И.И. Мочалова // Новый мир. 1988. № 3. С.;

Вернадский 1988 (2) — Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. Москва 1988;

Вернадский 1997 — Владимир Вернадский: Дневники. 1917—1921 / Сост. М.Ю. Сорокина, С.Н. Киржаев и др. Т. 2: 1920—1921. Киев, 1997;

Вернадский 2002 — «Любопытно, что будет через несколько лет»: Письма В.И. Вернадского Ф.И. Родичеву / Публ. И. Торбакова // Источник: Документы русской истории. 2002. № 2. С. 28—40;

Вернадский 2006 (1) — Владимир Вернадский: Дневники 1935—1941: В 2 кн. Кн. 1: 1935—1938. Москва 2006;

Вернадский 2006 (2) — Владимир Вернадский: Дневники 1935—1941: В 2 кн. Кн. 2: 1939—1941. Москва 2006;

Горяинов, 1997 — Андрей Горяинов: Академик В.И. Вернадский о «славянской идее», славянском научном сотрудничестве и культурном единстве // Славянский альманах. 1996. С.-Петербург 1997. С. 201—208;

⁴⁶ Вернадский 2006 (2), 74.

Кондакова 1997 — Открытый архив: Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985—1995 гг.) / Сост. И.А. Кондакова. Москва 1997;

Мочалов 1982 — Инар Мочалов: Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). Москва 1990;

Письма 1988 — Владимир Вернадский: Письма Н.Е. Вернадской: 1886—1889. Москва 1988;

Письма 1991 — Владимир Вернадский: Письма Н.Е. Вернадской: 1889—1892. Москва 1991;

Письма 1994 — Владимир Вернадский: Письма Н.Е. Вернадской: 1893—1900. Москва 1994;

Письма 2003 — Владимир Вернадский: Письма Н.Е. Вернадской: 1901—1908. Москва 2003;

Сорокина 1997 — Марина Сорокина: Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX—XX вв. Материалы научной конференции. С.-Петербург 1997. С. 248—254;

Сорокина 2001 — Марина Сорокина: Россия и Украина в научном наследии В.И. Вернадского: исторические судьбы славянства // Научное наследие В.И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации. Москва 2001. С. 118—131;

Сорокина 2009 — Марина Сорокина: Ученые и архивы: к истории «архивного наследия» В.И.Вернадского // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры. Материалы международной научной конференции. Москва, 10—14 ноября 2008 г. Москва 2009. С. 391—413;

Штэдтке 2010 — Клаус Штэдтке: Путешествия минералога и геохимика В.И. Вернадского // Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сборник статей. Москва 2010. С. 381—395;

Bailes 1990 — Kendal E. Bailes: Science and Russian Culture in the Age of Revolutions: V.I. Vernadsky and His Scientific School, 1863—1945. Bloomington 1990.